

УДК 72.01

DOI 10.25628/UNIP.2026.68.1.009

поляков Б. О.

Смена стилевой динамики в поэтике архитектуры: от лэндформного к архитектурному

В статье проведен критический анализ эволюции западной архитектуры от постмодернизма и деконструкции к «лэндформе» (нелинейной, биоморфной архитектуре), основанной на теории аффекта и стремлении к непосредственному психологическому воздействию. Автор указывает на научную несостоятельность, политизированность и смысловую тупик этого направления. В качестве формирующейся альтернативы рассматривается «вычисляемая архитектура» Микаэля Хансмейера, которая, действуя в рамках традиции теории аффекта, смещает фокус к алгоритмической генерации, орнаменту, масштабности и историческим архетипам.

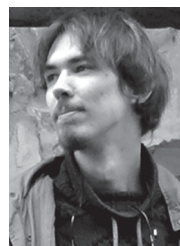
Ключевые слова: лэндформная архитектура, вычисляемая архитектура, нелинейная архитектура, биоморфизм, теория аффекта, архитектурника, Микаэль Хансмейер.

Polyakov B. O.

The change in stylistic dynamics in the poetics of architecture from landform to architectonic

This article critically analyzes the evolution of Western architecture from postmodernism and deconstruction to «landform» (nonlinear, biomorphic architecture) based on affect theory and a desire for direct psychological impact. The author points to the scientific inconsistency, politicization, and conceptual impasse of this approach. Michael Hansmeyer's «computable architecture» is also considered as an emerging alternative. While operating within the framework of affect theory, it shifts the focus to algorithmic generation, ornamentation, scale, and historical archetypes.

Keywords: landmorphic architecture, computable architecture, nonlinear architecture, biomorphism, affect in architecture, architectonics, Michael Hansmeier.

Введение

В то время как постмодернизм 1980-х гг. в западной архитектуре был активен в деконструкции культурных и языковых структур, используя множественность поэтического языка, вычисляемая архитектура 1990–2000-х гг. концентрировалась на создании новой сверхсложной децентрализованной структуры, основываясь на представлении о доязыковом восприятии архитектуры, предполагая непосредственное воздействие на психику человека через нелинейные формы. В пределах данного направления стиль стал представляться в дальнейшем как программа дизайнерских исследований [17]. Однако этот поворот, при всей его визуальной революционности, во многом привел к тупику смысловой неразличимости и технологической сложности. Поэтика кривых линий постулирует отход от линий прямых, ассоциируемых с антропоцентризмом, в пользу случайного, биоморфного [3].

Сегодня вопросы интеграции цифровых технологий и искусственного интеллекта в процессы проектирования активно ставятся на первый план [1], при этом их использование зачастую сводится не к вопросам композиции, формального и функционального проектирования или решения конкретных проектных задач, а эстетизации биологических форм, смешива-

ющейся с экологическими и политическими программами. Рассмотрение данного аспекта западной архитектуры и его современной критики позволит более осознанно подходить к выбору направлений в российской теории и практике, а также даст более полное представление о «поэтике нелинейного» для отечественного читателя.

С 1990-х гг. включение проблемы «нечеловеческого» и фиксация на докультурном в западных теориях обретают особый пафос (П. Айзенман, Э. Видлер, Г. Линн, Д. Кипнис). Вместе с тем, начиная с 2000-х гг., можно проследить не только критику по отношению к аналогичным направлениям в теории архитектуры (Н. Салингарос, Д. Спенсер, Р. Лейс, Д. Бедфорд), но и дальнейшую эволюцию направления, которое основано на рефлексии классического, геометрического и отчасти антропологического порядка.

Статья предлагает обзор зарубежной критики лэндформы как тенденции в проектировании, исходящей из представления о примате аффекта. Предлагается к сравнению явление зарождающегося альтернативного направления в вычисляемой архитектуре, которое свидетельствует о формировании новых стилистических веяний из постцифровых направлений.

**Поляков
Борис
Олегович**

аспирант, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, архитектор, «ЗАО «СМУ-77», Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: b.o.polyakov@mail.ru

Течение архитектуры лэндформы и теории аффекта

Архитектура лэндформы (*landform*) (а также космогенная, нелинейная, киберпространственная, биоморфных или топологических, дигитальная архитектура) понимается как направление, возникшее в конце XX в., для которого характерен отказ от евклидовых геометрических форм в пользу децентрированных, биоморфных или топологических, имитирующих природные ландшафты. Ее поэтика имеет основание в постструктуралистской философии (Ж. Делез, Ф. Гваттари)¹.

Голландский теоретик архитектуры А. Граафал [10, 95] в анализе диссертации П. Айзенмана (р. 1932) 1963 г., чья работа основана на поиске структурных закономерностей архитектурных объектов, подмечает, что основным ее достижением был призыв к отказу теории как от исторической, так и полемической традиции XIX–XX вв. в пользу установления системы приоритетов, основанной на логической последовательности. Тем самым предполагалось, что из выражения концептуальных идей будут исключены как метафизические, так и эстетические взгляды, оставляя практике лишь формальное выражение.

По аналогии с архитектурой в первой половине XX в. философия структурализма ставила задачей найти смысловой «центр» системы посредством рассмотрения связей структур и их различий (Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс). Понятие центра в структурализме подразумевало некое организующее начало системы (в том числе ассоциируемое с такими понятиями, как смысл, закон, Бог, порядок, начало). С 1960-х гг. французский философ Ж. Деррида (1930–2004) приходит к выводу, что центр наблюдаем лишь в виде языка, символа или следа, но не является присутствующим в действительности². Тем самым элементы структуры стали рассматриваться не с позиции подчинения данному упорядочивающему центру в иерархической системе, а с позиции случайной игры различий и смысловых отсылок. Предыдущая модель представления системы была названа «логоцентризмом», ассоциирована с насилием и властью и подвержена критике.

Такой взгляд на структуру стал общим для большинства теоретиков постмодерна и в архитектуре.

1 В российской теории данное явление наиболее полно описано И. А. Добрицкой в [4].

2 «Структура, знак и игра...» 1966 г. и «О грамматологии» 1967 г.

Иллюстрация 1. Город культуры Галисии. 1999–2013 гг. Арх. П. Айзенман. Источник: <https://archi.ru/projects/world/6172/gorod-kultury-galisii>

П. Айзенман переключается с поиска структурных закономерностей на деконструкцию логических последовательностей, оставляя в творческом процессе формальную и смысловую игру элементов. Он приходит к выводу, что деление формы архитектуры на «общее, абсолютное» (платоническое) и «специфическое» (функциональное, символическое) теряет свой смысл, поскольку изначальной абсолютной, «нулевой» формы, на которую можно было бы опереться, в действительности не существует [12, 65]. Фокус его размышлений смещается в сторону отсутствия стабильного состояния между противоположными элементами и формами архитектуры.

В 1984 г. П. Айзенман выделяет три существующих стиля как метода проектирования [12, 67]: классический — на основе построения композиции; современный (модернизм) — на основе метода трансформации; и постмодернистский, использующий метод деконструкции.

На рубеже XX–XXI вв. П. Айзенман обращается к нелинейной поэтике и иррациональному представлению об архитектуре, близкому к феноменологии, заимствуя понятие «аура» у В. Бенямина. В следовании за чувством «неопределенного» как замене «возвышенного» (у И. Канта) и «прекрасного» (у Витрувия) наиболее близким к моменту присутствия в центре для него становится момент нестабильности и максимального снятия бинарных оппозиций. Подобные представления он продолжает в текстах «Авторский аффект» (1991) и «Аффекты сингулярности» (1992).

Заменяв категорию красоты в пользу неопределенного, П. Айзенман в дальнейшем пытался освоить язык лэндформы как его выражения в 2000-е гг., например, в объекте Город культуры Галисии (Иллюстрация 1), где комплекс будто является продолжением ландшафта. Исходя изначально из стремления к обоснованию абстракции, архитектор впоследствии приходит в своих работах к противоположным высказываниям, куда более подражающим конкретным природным формам.

Такие архитектурные теоретики, как Дж. Кипнис (р. 1951), вдохновляются в 1990-е гг. текстуальными образами Ж. Делеза и Ф. Гваттари

(к примеру, в тексте «Складка: Лейбниц и барокко»), используемыми ими для иллюстрации социальных процессов (вроде «ризомы» или «складки») и пытаются напрямую перенести их на архитектурную форму. Ризома как устройство децентрированных социальных институций подобно грибнице; и складка — как состояние, иллюстрирующее переход кризисной ситуации (такие, как катастрофы) или взаимосвязь закрытых и открытых систем, — прочно привязывают метод формообразования к поэтическим значениям данных понятий. Причиной перехода к данным теориям становится задействование психологических концепций (под влиянием В. Райха и раннего З. Фрейда), в которых приоритет отдается ощущению телесности на доязыковом уровне.

Похожее представление о текущей и изменяющейся архитектуре подхватывается в теориях виртуального (Г. Линн), жуткого (Э. Видлер) или виталистического (С. Квинтер). Общий курс в теории смещается с «дерридианского» на «делезианский».

Новое направление отдавало предпочтение бессознательному опыту, нежели значению. Б. Массуми (р. 1956), философ, теоретик архитектуры и переводчик текстов Ж. Делеза, ссылается на эксперимент 1983 г. американского нейробиолога Б. Либета, согласно которому человек якобы принимает решение о действии уже на бессознательном уровне за долю секунды до принятия рационального решения, что лишает его свободы воли. Исходя из данной предпосылки, на первый план выходят ощущения света, цвета, атмосферы и тактильности, однако, в отличие от феноменологов, опыт у которых чаще всего опосредован и осмыслен, исследователи теории аффекта стремятся найти непосредственный доступ к реальности через сведение тела к реагирующему на стимулы, в том числе вызывающие сильные эмоции, организму. С. Лавин в книге «Форма следует за либидо» описывает чувственный опыт от модернистской архитектуры Р. Нейтра в достаточно экспрессивных терминах, как «эротический» и «вызывающий возбуждение». Эти идеологи исходят из предпосылки, согласно которой нелинейная архи-

текстура через чрезмерную стимуляцию воспринимающего должна будет порождать «новый позитивный опыт», который приведет «к новым чувствам и идеям, способным изменить мир» [11, 69–76].

Д. Кипнис емко сформулировал позицию о чувственной, жидкой и ускользающей от языка архитектуре фразой: «No codes, no clever meanings. Looks cool»³.

Критика лэндформной архитектуры

В 2006 г. выходит книга «Атлас новой тектоники» архитекторов Д. Райзера и Н. Умемото, где они предлагают обновленное понимание тектоники — не как просто конструктивной логики, а как способа синтеза формы, структуры, материала и технологии, преодолевающего устаревшие дихотомии формы и функции, структуры и эстетики. Архитектурный критик Д. Спенсер пишет, что благодаря отстаиванию своей философии архитекторы преследуют цель «различия» и «непредвиденного»: «Основная и необходимая идея этой работы заключается в том, что полезная новизна является предпочтительным условием стабильности и движущей силой архитектурной практики». Прикрываясь аргументацией о необходимости в постоянно продуцируемой новизне, теоретики нелинейной архитектуры дистанцируются от всякой критики. Всякая критичность признается ими «анахроничной», «негативной» и приравнивается к «болезни» [18, 60].

В 2019 г. опровергнуты результаты эксперимента Б. Либета [20]. Нервная активность, которая, как полагал Либет, предопределяла за 0,3 секунды до принятия решения действия человека, оказалась стохастической, т. е. случайной. Теория аффекта потеряла свое научное обоснование.

Дискурс лэндформной архитектуры изначально политизирован. Ж. Делез разделял «гладкое» и «полосатое» пространство, воспринимаемое в древности кочующими народами. Гладкое и топологическое пространство находится в непрерывном изменении и текучести, т. е. в состоянии неопределенности. Второе же являлось дисциплинирующим, стандартизированным и имперским [18, 53]. Психоанализ в связке с теорией Ж. Делеза выводит данный подход в плоскость политического «сопротивления капитализму», биология в котором должна стать ключом к «эмансипации». Использование формообразования, работающего на биологическом уровне, как бы минуя языковую систему, воспринимается такими теоретиками как политически прогрессивное. Испанский архитектор, представитель нелинейного проектирования, А. Заэра-Поло в принципе исходит из предположения, что оболочка стала «последней сферой архитектурной власти» [20; 18, 65].

В работе «После комфорта» американский историк архитектуры Д. А. Барбер идет дальше, заключая о необходимости в намеренном проектировании для человека достаточно дискомфортной среды⁴, по причине неизбежного экономического, экологического и энергетического кризиса в будущем. В то же время установившиеся нормы комфорта в развитых странах за весь период XX в. по сравнению с остальными приравниваются им к «расовому неравенству», а декарбонизация — к «деколониализации» [1].

С начала 2000-х гг. греко-американский теоретик архитектуры Н. Салингарос резко критиковал деконструктивистские направления в архитектуре, которые

также основывали свои идеи на «исследовании телесного» (к примеру, Б. Чуми) [7]. По его мнению, жизнеспособная архитектура должна вызывать у людей устойчивые положительные реакции, благодаря упорядоченности и масштабированности формальных элементов.

Отдельно стоит критика нелинейной архитектуры с марксистской позиции. Так, Д. Спенсер в статье «Архитектурный делезизм» 2011 г. связывает нелинейную архитектуру, основанную на прочтении Ж. Делеза, с его же (Делеза) предсказанием о «гладком пространстве» постдисциплинарного общества, высказанным им в эссе «Post scriptum об обществе контроля» 1990 г.⁵ Д. Спенсер заявляет, что именно то общество контроля, о котором предупреждал Делез, утверждается позициями П. Шумахера и З. Хадид.

Д. Спенсер рассматривает логику нелинейной архитектуры на примере здания кампуса Рейвенсборн 2010 г. за авторством FOA и А. Заэра-Поло. При анализе «учебного ландшафта» кампуса он демонстрирует не простое вовлечение учебного учреждения в рыночные процессы, а их сплетение и наибольшую максимизацию выгоды посредством «растворения» студентов в пространстве глобальной предпринимательской игры и реалиях нестабильности.

Кроме того, лэндформа и биоморфизм в западной теории критикуются как маскировка экологических проблем. В работе «Архитектура неолиберализма» Д. Спенсер подмечает, что сегодняшние «зеленые» здания часто имитируют экологию визуально, успокаивая и притупляя зрение за счет аффектов, как бы уверяя, «что природа согласна и полностью совместима с развитием» [18, 159].

Как подтверждает Д. Мерфи, завершая рассуждение о будущем архитектуры в книге «Last Futures», современная архитектура мегаструктурных оболочек, которая изначально должна была быть социально ориентирована, в большинстве случаев становится пространством не свободы, а контроля, будь то аэропорты, склады, open space-офисы и мегамоллы⁶.

По мнению Д. Бедфорда, момент аффекта в современной архитектуре, завоевав основные позиции к 2000-м гг., затянулся более чем на десятилетие. Он сравнивает это направление с нежитью, которое «не развивается, но и не является окончательно похороненным» [11, 58].

Архитектоничность как условие коммуникации

Ж. Деррида полагал, что бинарное отношение означающего и означаемого, свойственного языку как знаковой системе, максимально сближается с присутствием в предполагаемом изначальном «центре», в первую очередь в голосе, как акте, для которого характерна одновременность высказывания как смыслового, так и знакового [3]. Начиная с экспериментов 1990-х гг. виртуальное пространство, позволяющее зрителю интерактивно работать, по сути, преобразовывает архитектуру и знаки в «голос», превращая ее больше в действие или высказывание здесь и сейчас, чем в объект. Пространственный язык, таким образом, достигает присутствия, сближаясь с непосредственным актом переживания феномена.

5 «Там, где такие архитекторы были отождествлены с деконструкцией Деррида, новому поколению нужно было отличаться как от своих архитектурных предшественников, так и от философии, с которой они были связаны. Однако для того, чтобы придать этой новой архитектуре тот же уровень философской утонченности, что и деконструктивистской архитектуре, необходимо было найти сопоставимого с Деррида аналога. И тут появляется Делез» (Спенсер Д. Архитектурный делезизм. 2011 — URL: <https://www.radicalphilosophy.com/article/architectural-delezism#fn6>).

6 URL: <https://lareviewofbooks.org/article/whatever-happened-to-the-future/>.

3 «Никаких кодов, никаких умных значений. Выглядит круто» [11, 64].

4 «Нет ничего более традиционалистского, более консервативного, чем комфорт. Кондиционированные помещения образуют инфраструктуру мирового капитала — от офисов и музеев до аэропортов и контейнеро-рефрижераторов» [1, 41].

Поэтика как феномен художественной культуры, первоочередно присущий поэзии и музыке, как более «голосовой» форме искусства, в архитектуре получает свое выражение через пространственное воображение. М. Новак (р. 1957) буквально соотносит звук с объемной трехмерной формой, вводя математический принцип возмущения пространства [4, 284]. Архитектура интерактивного — это архитектура мгновенной речи, переходящая из видимого следа в присутствие самого высказывания, т. е. становящаяся перформативной, акторной.

М. В. Дuceв выделяет перформативность архитектуры как одно из качеств, формирующее ее витальность. Перформативность подразумевает свое речевое выражение через акт, действие. Отсюда обращение к пространствам фестивалей или праздников, где делается акцент на ритуализации, в которой различия на время исчезают, происходит «потеря различия коммуникатора и реципиента, автора и адресата — путь к сотворчеству творящего и воспринимающего» [5].

При условии, что поэтика пространства в таком событии несет высшее символическое значение, оно может сблизиться с центром и отсутствующей серединой (смыслом), об утрате которой, предвосхищая выводы постмодернистов, писал в 1950–1960-х гг. Х. Зедльмайр (1896–1984) [2]. Это сближение не происходит permanently из-за невозможности поддержания для социума неразличимого пространства (по сути, той неопределенности, которую пытаются достичь теоретики аффекта). А это означает необходимость в поддержании существования знаков и того пространства, что принято называть евклидовым — содержащее память или след о некогда произошедшем событии, на которое можно опереться в процессе коммуникации.

Отсюда, обладая подобной «речевой» свободой, которая достигнута сегодня в формообразовании, все же необходимо умение к различению синтаксиса архитектуры, дабы речь не перешла в неразличимые звуки, за которыми присутствуют только телесные или биологические реакции.

Теоретики архитектуры аффекта осознанно исключают данные значения, отделяя себя не только от феноменологов (К. Н. Шульц, К. Фрэмpton, Ю. Палаасма, С. Холл) за их романтическую ностальгичность по прошлому и эссенциализм, но и постмодернистов (Ч. Дженкс, Р. Вентури, Д. Скотт-Браун, и в том числе П. Айзенман), которые,

по их мнению, отдают слишком большое значение языку и абстракциям, далеким от «реальности». Это подтверждается тем, что лэндформная архитектура завоевала популярность не в контексте своего смыслового значения, а ввиду сложности скульптурного исполнения объектов, возведение которых само по себе поражает воображение, вызывает аффект. Желание авангардных теоретиков создать новый единый стиль посредством нелинейной архитектуры в 1990-е и 2000-е гг. не реализовалось, в первую очередь, из-за сложности и стоимости такой архитектуры. Однако их влияние на массовое сознание посредством рынка неоспоримо.

Архитектура, существовавшая до настоящего времени, т. е. архитектура, обладающая признаками архитектоники, — это архитектура незыблемого различия пространства, закона, диктующего для всех поэтику одинаково (верх — низ, земля — небо). Итальянский архитектор Ренато Рицци, ранее работавший с П. Айзенманом, рассуждает о деградации современной архитектурной теории, опирающейся на технико-социально-научный нигилизм, преодолеть который возможно через правильное отношение к информационным технологиям и этическими усилиями [14]. Он часто акцентирует внимание на структуре слова «архитектоника» (Arché + Téchne), подчеркивая ее иерархичность, в которой первая часть «неукротимая», а вторая «подчиняемая» [9, 19].

Одинаково ясно воспринимаемые для всех людей пространства — это пространства с различием архитектонического от тектонического⁷. Пространство, обладающее архитектоничностью, воспринимается не событием, а застывшим следом, напоминанием о нем, установившимся порядком. Стиль в привычной архитектуре образовывается как фиксация поэтического монолога с определенной временной и смысловой задержкой. И чем дальше от своей середины (по Х. Зедльмайру) находится архитектура, тем меньший смысл она несет в настоящем.

Архитектоническое пространство, обладая поэтикой, в каждом стилевом случае имеет свои интонацию и вопрошание. Если привычная нам ар-

хитектура представляет собой пример застывших форм, не имеющих своего присутствия ввиду одностороннего общения, монолога, то цифровая, виртуальная или интерактивная архитектура, как предполагалось, должна была предложить диалог. Н. Лич в обзорной книге о применении ИИ в проектировании полагает включение такого рода интерактивности в окружающую среду вопросом времени [13, 145].

Активное изменение пространства, одновременно коррелирующее с поэтической мыслью, — это, по всей вероятности, будущее архитектуры. При этом возникает вопрос об общей для всех поэтике. Если образность и пространственность станут, наряду с голосом, языком общения в реальном времени, необходимы будут общие точки соприкосновения, единый язык и синтаксис. Эти общие точки должны были бы находиться не в тектонической, а архитектонической гармонии равновесия.

Отсутствие адекватной иерархии в системе ценности по отношению к архитектонике, о которой упоминает Р. Рицци, приводит к их искажению, смещает акцент различия с архитектоники сперва на функцию и технику, а в дальнейшем — на место и топологию, что неизбежно ведет к их дальнейшему вымыванию без символической фиксации.

Общий пафос XX в. можно подвести под чувство утраты. Если Х. Зедльмайр пишет об утрате середины, то К. Норберг-Шульц — об утрате места [15]. Само же место начинает различаться только в момент осознания нужды, необходимости в нем относительно архитектуры, ставшей безличной в XX в.

Вычисляемая архитектура М. Хансмейера

Изменение и «созревание» формообразования в западной вычисляемой архитектуре видно у Микаэля Хансмейера (р. 1973). Продолжая параллельно эксперименты в нелинейной архитектуре в области «пещероподобных» биоморфных объектов, больше близких к эстетике Х. Р. Гигера (наиболее выраженных в серии экспериментальных работ «Цифровой гротеск»), в некоторых проектах он возвращается к архитектонике и симметрии. Так, иную сложность можно проследить в его декорациях к опере Моцарта «Волшебная флейта», 2018 г. (Иллюстрация 2, а).

М. Хансмейер продолжает традицию аффективных теорий, используя такие термины и выражения в опи-

⁷ «Хаос прекрасен, пока он хаос природы, ибо в природе он тектонически закономерен — он стихийно уравновешен, и человек эстетически осмысливает его единство равновесия как "прекрасную стихию". Но архитектура берет от природы не ее хаос, а извлеченную из хаоса гармонию равновесия» [6, 174].

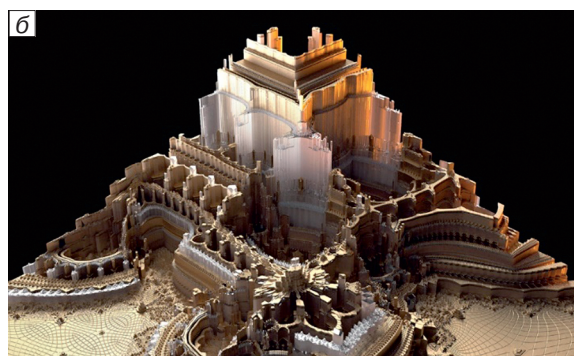
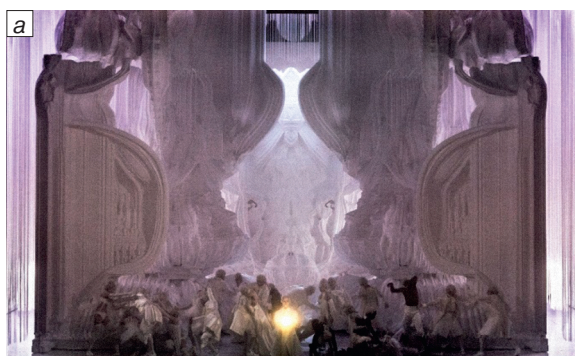

Иллюстрация 2. Работы Микаэля Хансмейера: а — декорации к опере «Волшебная флейта». Оперный театр Брюсселя. 2018 г.; б — проект Muquarnas. 2019 г. Источник: <https://michael-hansmeyer.com/projects>

Иллюстрация 3. Работы Микаэля Хансмейера: а — Белая башня, Мулегнс, Швейцария. 2025 г.; б — визуализация одного из вариантов проектируемой башни. Источник: <https://michael-hansmeyer.com/projects>

сании своих работ, как «мутация», «дезорентация» или же «за пределами красоты и уродства» в духе П. Айзенмана. Он заявляет, что изначально делает свою ставку на форму, а не функцию и создает свою так называемую вычисляемую архитектуру, основываясь на таких архетипических формах, как колонна или грот. Заметное отличие заключается в том, что М. Хансмейер генерирует ее по фрактальным принципам (в сравнении с той формой, что зовется фрактальной у деконструктивистов и представителей нелинейной архитектуры, чей подход критикует, например, Н. Салингарос [7]). Примером может выступить созданный им проект Muquarnas 2019 г. — по наименованию сотового свода, используемого в арабской архитектуре (Иллюстрация 2, б). Он говорит, что подобные формы — самое сложное по алгоритмизации из доступного на тот момент технологиям [19, 48].

М. Хансмейер сравнивает работу архитектора и садовника. Проблемы индивидуальности уходят на второй план, в то время как на первый выходит работа с семействами, видами, их смешением и скрещиванием. Он критикует модернизм не с точки зрения построения пространства, а вспоминая о важности орнамента, — отмечая его присутствие не только в природе, но и у всех человеческих цивилизаций. В интервью М. Хансмейер проговаривает, что «красота стала своего рода табу в западном обществе» [19, 50].

В мае 2025 г. М. Хансмейер возводит самую высокую на настоящее время напечатанную на 3D-принтере башню высотой 30 м. Он работает контекстуально, конструкция башни отсылает к местным фахверковым домам (Иллюстрация 3, а).

Эти эксперименты с цифровой формой и рассуждения об эстетике перекликаются с идеями теоретика архитектуры и математика 1960-х гг. К. Александера, который

задавался вопросом генерации архитектурных форм при помощи ЭВМ при одновременном подобии и сомасштабности архитектуры человеку [8]. Однако общая поэтика нечеловеческого, неопределенного и аффективного в такой архитектуре все же превалирует над тем, что можно было бы назвать человеческим, красивым и разумным [2].

Можно проследить некоторые отличия предшествующей нелинейной архитектуры от наблюдаемой сегодня экспериментальной вычисляемой архитектуры М. Хансмейера в следующем:

- 1 Заметно противопоставление вычисляемой архитектуры ландшафту, несмотря на свою нелинейность. Тем самым фокус смещается с различия тектонических форм к различиям архитектурной формы.
- 2 Частично она обращается к таким базовым категориям, как порядок и красота, которые некогда были отвергнуты в пользу хаоса в нелинейной архитектуре.
- 3 Вычисляемая архитектура делает акцент на масштабности. За счет фрактального формообразования построение формы происходит самоподобным на бесконечное число масштабов, что делает восприятие объекта в деталях (орнаменте), в человеческом масштабе и в своем общем целом подобным архитектуре прошлого, но не тождественным ей.
- 4 При условии обладания качествами человекоподобия и опорой на различные символические формы такая архитектура в большей степени может претендовать на интерактивность и быть распознаваемой в своей поэтической речи.
- 5 Такая архитектура способна заключить в себе одновременно все предыдущие существовавшие стили, не исключая какой бы то ни было из них, в отличие от привычной нам нелинейной архитектуры, противопоставляющей себя как модернизму, так и постмодернизму.

Заключение

Основные идеи архитектуры ландшафта и нелинейной архитектуры, несмотря на первоначально кажущуюся революционность, в своей опоре на теории аффекта и непосредственное воздействие на психику через нелинейные формы оказались научно несостоятельными. На практике такие пространства часто становятся инструментом контроля, а не освобождения. По мнению ряда критиков, подход исчерпал свой потенциал, продемонстрировав тупик чистой визуальности, оторванной от архитектурного порядка.

В качестве ответственного направления данной практики выступает развивающаяся вычисляемая архитектура М. Хансмайера. В формообразовании она все еще сохраняет цифровую природу и поэтику аффективного, но смещает фокус с биоморфного подражания к алгоритмической генерации сложных структур, иногда обращаясь к историческим архетипам, орнаменту и масштабам. Критическое осмысление подобных направлений на теоретическом уровне позволит в дальнейшем сформировать ориентиры в российской практике.

Современная архитектура столкнулась с кризисом смысла, вызванным отказом от архитектурного порядка — иерархии, ясности форм и символической наполненности. Восстановление архитектурности с использованием цифровых средств в разумном ключе может рассматриваться как попытка выстраивания пути к гармонии между традицией и инновацией, человеческим масштабом и технологической сложностью.

Для российской теории и практики критический разбор западных течений дает возможность избежать крайностей: как некритического следования моде на нелинейность, так и абсолютного отказа от современных методов. Перспективным представляется осознанный поиск такой архитектурной формы, который сможет соединить технологические возможности с архитектурной ясностью, смысловой глубиной, традиционной и культурной идентичностью, отвечая на вызовы времени без утраты сущностных основ архитектуры. Действительно же насущным становится верный выбор того, каким именно смыслом и поэтикой будет происходить наполнение архитектурной формы.

Список использованной литературы

- [1] Барбер Д. После комфорта // Городские исследования и практики. — 2022. — Т. 7. — № 3. — С. 39–45. — EDN: GMDRXU. — DOI: 10.17323/usp73202239–45
- [2] Ванеян С. С. Пустующий трон. Критическое искусствознание Ханса Зедльмайра. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 416 с.
- [3] Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. — СПб.: Алетейя, 1999. — 208 с.
- [4] Добрицына И. А. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 416 с.
- [5] Дuceв М. В. Архитектурная среда. Витальное измерение // Художественная культура. — 2021. — № 2 (37). — С. 8–37. — EDN: UVNPAА. — DOI: 10.51678/2226-0072-2021-2-8-37
- [6] Каплун А. И. Стиль и архитектура. — М.: Стройиздат, 1985. — 232 с.
- [7] Салингарос Н. А. Анти-архитектура и деконструкция: триумф нигилизма. — М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. — 295 с.
- [8] Alexander Ch. The timeless way of building. — Oxford Univ. Press, 1979. — 552 p.

- [9] Ardizzola P., Grądzka J. Renato Rizzi // VITRUVIO — International journal of architectural technology and sustainability. — 2022. — Vol. 7. — Iss. 2. — P. 4–19. — DOI: 10.4995/vitruvioijats.2022.19041
- [10] Graafland A. Peter Eisenman: The Formal Basis of Modern Architecture // Trans-disciplinary. — 2007. — Autumn. — P. 93–96: [сайт] — URL: <https://journals.open.tudelft.nl/footprint/article/download/670/848/965> (дата обращения: 06.02.2026).
- [11] Bedford J. After Affect // Khōrein: Journal for architecture and philosophy. — 2025. — Vol. 3. — Iss. 2. — P. 57–92. — DOI: 10.5281/zenodo.17939784
- [12] Jasper M. On Eisenman's use of history // Nordisk arkitekturforskning / Nordic journal of architectural research. — 2013. — Vol. 1. — P. 55–78: [сайт] — URL: https://www.researchgate.net/publication/334288616_On_Eisenman's_Use_of_History (дата обращения: 06.02.2026).
- [13] Leach N. Architecture in the age of artificial intelligence: An introduction to AI for architects. — London: Bloomsbury Visual Arts, 2022. — 278 p. — DOI: 10.5040/9781350438781
- [14] Rizzi R. Eden to eden: At the dawn of the name // Architectural Design. — 2023. — Vol. 93. — Iss. 4. — P. 22–29. — DOI: 10.1002/ad.2950
- [15] Norberg-Schulz C. Genius loci, towards a phenomenology of architecture. — New York, 1980. — 216 p.
- [16] Schumacher P. Parametricism: 6 articles by Patrik Schumacher. — London, 2008: [сайт] — URL: <https://patrikschumacher.com/параметризм-parametricism/> (дата обращения: 06.02.2026).
- [17] Spencer D. The architecture of neoliberalism. — London: Bloomsbury Publishing, 2016. — 232 p.
- [18] The future is art — BMW Art Club ed. by Stach Szablowski BMW Vetriebs GmbH, Oddzial w Polsce, 2023: [сайт] — URL: <https://michael-hansmeyer.com/books> (дата обращения: 06.02.2026).
- [19] Maoz U., Yaffe G., Koch C., Mudrik L. Neural precursors of decisions that matter — an ERP study of deliberate and arbitrary choice // eLife / Redmond G O'Connell, Joshua I Gold, Redmond G O'Connell, Jiaxiang Zhang, Boris Burle. — 2019-10-23. — Т. 8. — С. e39787. — ISSN 2050-084X. — DOI: 10.7554/eLife.39787
- [20] Zaera-Polo A. The Politics of the Envelope. A Political Critique of Materialism // LOG. — 2008. — Vol. 17. — P. 76–105: [сайт] — URL: https://marywoodthesisresearch.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/03/politics-of-the-envelope_zaerapolo.pdf (дата обращения: 06.02.2026).

References

- [1] Barber D. Posle komforta // Gorodskie issledovaniya i praktiki. — 2022. — Т. 7. — № 3. — С. 39–45. — EDN: GMDRXU. — DOI: 10.17323/usp73202239–45
- [2] Vaneyan S. S. Pustuyushchij tron. Kriticheskoe iskusstvovznanie Hansa Zedl'majra. — М.: Progress-Tradiiya, 2004. — 416 s.
- [3] Derrida Zh. Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya. — SPb.: Aleteya, 1999. — 208 s.
- [4] Dobricyna I. A. Ot postmodernizma — k nelinejnoj arhitektуре: Arhitektura v kontekste sovremennoj filosofii i nauki. — М.: Progress-Tradiiya, 2004. — 416 s.
- [5] Ducev M. V. Arhitekturnaya sreda. Vital'noe izmerenie // Hudozhestvennaya kul'tura. — 2021. — № 2 (37). — С. 8–37. — EDN: UVNPAА. — DOI: 10.51678/2226-0072-2021-2-8-37

- [6] Kaplun A.I. Stil' i arhitektura. – M.: Strojizdat, 1985. – 232 s.
- [7] Salingaros N.A. Anti-arhitektura i dekonstrukcija: triumf nigilizma. – M.; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2017. – 295 s.
- [8] Alexander Ch. The timeless way of building. – Oxford Univ. Press, 1979. – 552 p.
- [9] Ardizzola P., Grądzka J. Renato Rizzi // VITRUVIO – International journal of architectural technology and sustainability. – 2022. – Vol. 7. – Iss. 2. – P. 4–19. – DOI: 10.4995/vitruviojats.2022.19041
- [10] Graafland A. Peter Eisenman: The Formal Basis of Modern Architecture // Transdisciplinary. – 2007. – Autumn. – P. 93–96; [sajt] – URL: <https://journals.open.tudelft.nl/footprint/article/download/670/848/965> (data obrashcheniya: 06.02.2026).
- [11] Bedford J. After Affect // Khōrein: Journal for architecture and philosophy. – 2025. – Vol. 3. – Iss. 2. – P. 57–92. – DOI: 10.5281/zenodo.17939784
- [12] Jasper M. On Eisenman's use of history // Nordisk arkitekturforskning / Nordic journal of architectural research. – 2013. – Vol. 1. – P. 55–78; [sajt] – URL: https://www.researchgate.net/publication/334288616_On_Eisenman's_Use_of_History (data obrashcheniya: 06.02.2026).
- [13] Leach N. Architecture in the age of artificial intelligence: An introduction to AI for architects. – London: Bloomsbury Visual Arts, 2022. – 278 p. – DOI: 10.5040/9781350438781
- [14] Rizzi R. Eden to eden: At the dawn of the name // Architectural Design. – 2023. – Vol. 93. – Iss. 4. – P. 22–29. – DOI: 10.1002/ad.2950
- [15] Norberg-Schulz C. Genius loci, towards a phenomenology of architecture. – New York, 1980. – 216 p.
- [16] Schumacher P. Parametricism: 6 articles by Patrik Schumacher. – London, 2008; [sajt] – URL: <https://patrikschumacher.com/parametrizm-parametricism/> (data obrashcheniya: 06.02.2026).
- [17] Spencer D. The architecture of neoliberalism. – London: Bloomsbury Publishing, 2016. – 232 p.
- [18] The future is art – BMW Art Club ed. by Stach Szablowski BMW Vetriebs GmbH, Oddzial w Polsce, 2023; [sajt] – URL: <https://michael-hansmeyer.com/books> (data obrashcheniya: 06.02.2026).
- [19] Maoz U., Yaffe G., Koch C., Mudrik L. Neural precursors of decisions that matter – an ERP study of deliberate and arbitrary choice // eLife / Redmond G O'Connell, Joshua I Gold, Redmond G O'Connell, Jiaxiang Zhang, Boris Burle. – 2019-10-23. – T. 8. – S. e39787. – ISSN 2050-084X. – DOI: 10.7554/eLife.39787
- [20] Zaera-Polo A. The Politics of the Envelope. A Political Critique of Materialism // LOG. – 2008. – Vol. 17. – P. 76–105; [sajt] – URL: https://marywoodthesisresearch.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/03/politics-of-the-envelope_zaerapolo.pdf (data obrashcheniya: 06.02.2026).

Статья поступила в редакцию
08.01.2026.
Опубликована 30.03.2026.

Поляков Борис Олегович

аспирант, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, архитектор, «ЗАО «СМУ-77», Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: b.o.polyakov@mail.ru

Polyakov Boris O.

Graduate student, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Architect, CJSC «SMU-77», Nizhny Novgorod, Russian Federation
e-mail: b.o.polyakov@mail.ru